

Лэнс сидел за столом, расположенным прямо напротив дозорной башни. Перед ним на ровной поверхности лежал чистый лист бумаги.

Его мысли то и дело возвращались к ночному разговору с Адонисом.

Будучи древним драконом, чей век исчислялся тысячелетиями, Адонис, без сомнения, владел множеством тайн оккультного мира. Именно этих знаний Лэнсу сейчас катастрофически не хватало.

Джек, при всей своей временами почти не свойственной демонам мягкости, в вопросах магической теории оставался непоколебим. В его мире царил суровый закон Бездны: за любое знание нужно платить. У каждой крупницы истины была своя цена, чётко обозначенная в прейскуранте преисподней. И даже самые скромные сведения стоили дороже, чем он мог себе позволить на данный момент.

К тому же в глубине души юноша никогда не переставал относиться к порождениям тьмы с опаской. Будучи на Земле убеждённым материалистом, писатель лишь поверхностно интересовался эзотерикой, но даже те немногие книги, что он прочёл, сходились в одном: любого, кто свяжется с демонами, в конце концов ждёт горькое разочарование.

Взять хотя бы историю Джейкобса, который не сумел вовремя разглядеть подвох в контракте. Условия подменили прямо у него под носом: триста лет службы обратились в тридцать, а «свинья Джейкобса» с тех пор вошла в анналы магической истории как притча об излишней доверчивости.

Именно благодаря Адонису Лэнс впервые получил цельное представление о мистическом прошлом этого мира.

Планета, на которой он оказался, звалась Либерти. Её суша была разделена на три материка: Землю Рождения Богов, где раскинулась Империя Лайт, расположенную на далёком востоке Землю Покоя и едва освоенный Новый Континент на юге.

На Земле Рождения Богов теснились полтора десятка государств, среди которых Империя Лайт была неоспоримым лидером. Считалось, что это земное отражение небесного царства Бога Солнца — место, где, согласно священным гимнам, светило никогда не заходит за горизонт.

Время, в которое жил Лэнс, называли эпохой увядания магии. Этот упадок длился уже почти тысячу лет.

В те стародавние времена мир процветал. То была эпоха многобожия и великого разнообразия

видов. У дварфов были свои божества, у гигантов — свои; эльфы и фейри поклонялись собственным покровителям... Даже среди людей встречались маги столь могущественные, что их почитали наравне с богами.

В ту пору небожители не претендовали на абсолютную власть и не стремились истребить иноверцев. Напротив, они часто странствовали по земле под личиной смертных, бок о бок со своими последователями. Порой они карали зло и восстанавливали справедливость, а порой позволяли себе безобидные шалости. И хотя между расами то и дело вспыхивали конфликты на почве веры, в целом на Либерти царил относительный мир.

Всё изменилось около девяти веков назад.

Култ Бога Солнца зародился тихо и незаметно. Сначала на него никто не обратил внимания, посчитав очередным ложным божком какого-нибудь затерянного племени. Однако число последователей росло пугающими темпами, причём не только среди людей. Новая вера пустила корни и в сердцах магических существ, что привело к череде кровавых стычек.

А затем... Затем Бог Драконов, эльфийская королева, великие провидцы людей, озёрные нимфы, шаманы зверолов и пророки сирен — все они, один за другим, получили одинаковое пророчество: «Грядет эпоха, в которой останется лишь Солнце».

Так началась война.

Она бушевала целое столетие. Последний Бог Драконов, Повелительница Инея Эливелл, пала в Земле Драконьего Сна. Королева эльфов пожертвовала жизнью и самой душой, чтобы воздвигнуть последний заслон для своего народа. Дварфы, исчерпав все ресурсы, бросались в пламя горнов, сжимая в объятиях свои лучшие творения. Звероловы, следуя за своими вождями и шаманами, укрылись в непроходимых чащах и глубоких пещерах... Настала очередь людей.

Выжившие маги разделились: одни сменили веру, став смиренными жрецами и пасторами Солнца, другие выбрали путь отшельников, а третьи добровольно погрузили себя в магический сон, надеясь дождаться лучших времён.

Восемьсот лет назад на политической карте возникла Империя Лайт — оплот солнечной веры в подлунном мире.

Шесть веков назад внутри Церкви начались чистки: магических существ стали притеснять, а число «иных» среди верующих стремительно сократилось.

Пятьсот лет назад Бог Солнца ниспослал откровение, согласно которому все нечеловеческие расы были объявлены еретиками. Именно тогда было создано Бюро по расследованию ереси, начавшее охоту на «нечисть».

Адонис был схвачен именно в тот период. Поскольку драконы были бесценным источником магических ингредиентов, его не стали убивать. Его заточили в подземелье, превратив в живой, бесконечно восстанавливающийся склад чешуи и крови.

Четыреста лет назад понятие «еретик» расширилось: под него попали все практикующие маги, не принадлежащие к клиру — алхимики, волшебники, прорицатели.

С тех пор миновало четыре столетия. Под неусыпным надзором Инквизиции магические народы и вольные чародеи практически исчезли с лица земли.

Пророчество сбылось. Наступила эпоха, в которой есть место только для Солнца.

Лэнс вынырнул из глубин этой величественной и печальной истории, возвращаясь к реальности своего тюремного стола.

Он протянул руку, и чёрное перо материализовалось в его ладони. Юноша на мгновение замер, а затем вывел в изголовье листа название своего будущего романа: «Борец с Солнцем».

Главным героем должен был стать Адонис, а вместе с ним — все те расы, что когда-то осмелились бросить вызов диктатуре Светила. Это грандиозное предание не должно было кануть в лету. Пусть они потерпели поражение, но их отчаянная и мужественная борьба с предначертанным станет факелом для тех, кто придет после.

Несмотря на мощь инквизиторской конницы и жестокость церковных догматов, оккультные знания продолжали тайно распространяться. Лэнс понял это по поведению Джека и Дженни. Демоны ни разу не попытались отговорить его от издания книги в «ином» мире. Само их существование было доказательством того, что магическая среда всё ещё жива.

Ему не терпелось увидеть этот скрытый мир своими глазами. Возможно, когда роман будет закончен, такая возможность представится.

Лэнс писал всё утро, пока шум снаружи не вырвал его из творческого транса. Он нахмурился — крики за окном мешали сосредоточиться.

«Забыл закрыть окно», — с досадой подумал он.

Подняв голову, юноша встретился взглядом с парой блестящих чёрных глаз. На подоконнике сидел ворон, невинно склонив голову набок.

«Тот же, что и вчера?»

Едва Лэнс поднялся, птица испуганно взмахнула крыльями и улетела. Юноша выглянул в окно, снедаемый любопытством. На площади перед дозорной башней столпилась уйма народу; люди стояли плотными рядами, и разглядеть, что происходит в центре круга, было невозможно.

Подойдя к двери камеры, он прислушался к доносившимся из коридора шепоткам.

— Что стряслось? Почему Иоланда вдруг набросилась на отца Луи?

— Ха! Сами знаете Иоланду — она вечно с кем-то в драку лезет. Непонятно только, откуда у бабы такая силища.

— Может, святой отец зажал деньги за «защиту»?

— Господи, да женщина ли она вообще? Глянь на эту тушу — чисто мужик.

— В жизни не видел такой уродины. Толстая, кривая, да еще и хромает... Матерь божья, мне вчерашний обед в горло не лезет, стоит на неё глянуть. Как она только до сих пор руки на себя не наложила?

— А вы знаете, кем она была до того, как сюда загремела? Свиной забивала! Мясником была, вот!

— Ну, тогда понятно, откуда такая жажда крови.

— Проклятая карга... Клянусь, настанет день, и я свяжу её да брошу своре кобелей.

— Ха-ха-ха! Да на такую страшилищу даже кобель не позарится!

— Тише вы, тише... не ровен час, услышит.

В этот момент на лестнице послышался топот — Исаак, теряя рассудок от ужаса, прорывался сквозь толпу зевак. Его голос сорвался на пронзительный визг:

— Отец! Ты, мерзкая ведьма, отпусти моего отца!

— Кровь... сколько крови... Папа, папа, ты слышишь меня?! Очнись! Пожалуйста, не засыпай! Мне страшно!

— Мы же договорились... Ты обещал забрать меня отсюда. Я ведь еще даже не женился... Мы еще не обрели своего счастья! Как ты мог... как ты мог так поступить?!

Дженни, взмыв в воздух, с интересом наблюдала за происходящим сверху и увлечённо пересказывала Лэнсу детали сцены.

— Кровищи-то сколько! — восхищённо щебетала она. — А эта страшилка и впрямь сильна. Чем её кормили, что она так вымахала?

Заметив полное безразличие на лице собеседника, демон недовольно цокнула языком.

— Какой же ты холодный. Ты ведь недавно сам отдавал им свои сэндвичи, разве нет?

«Да, Лэнс, как же так? Бедное дитя... Разве ты не можешь помочь мальчику?» — раздался в его ушах вкрадчивый голос матери.

— Врача! Кто-нибудь, позовите врача! Умоляю, помогите отцу!

На отчаянный плач юноши дозорная башня ответила холодным молчанием — никто из стражи не спешил на помощь. Толпа начала быстро редеть, обнажая суть произошедшего.

Лицо, руки и одежда Иоланды были залиты кровью. Она стояла неподвижно, точно кровавый демон, явившийся из самих глубин преисподней. Исаак прижимал к себе изуродованное тело мужчины; на его ветхой куртке расплывались огромные багровые пятна. Лицо юноши искажилось от неистовой ненависти.

— Ты чудовище! — прохрипел он, глядя на бесстрастную Иоланду. — Ты будешь гореть в аду! Тебя разорвут на куски, ты подохнешь в муках!

Иоланда лишь презрительно скривила губы в подобии улыбки. Она развернулась и пошла прочь, даже не оглянувшись на стенания сына над телом убитого отца.

На пороге своей камеры она встретила взглядом с Лэнсом.

«Милый, мальчику так плохо. Помоги ему, найди доктора», — продолжал шептать тот же голос.

— Он мёртв? — спросил Лэнс.

— Да, — бросила Иоланда, прежде чем войти в соседнюю камеру и с грохотом захлопнуть дверь.

Он лишь пожал плечами. Раз мёртв, значит, медицина бессильна.

Лэнс медленно подошёл к рыдающему Исааку. Мальчик вцепился в него, точно в последнюю соломинку; его окровавленные пальцы оставили отчётливый след на чёрных фланелевых брюках.

— Спасите его... умоляю... Позовите врача, скорее!

— Слишком поздно.

Писатель бросил короткий взгляд на проломленный череп мужчины и неподвижную грудную клетку, после чего на его лице застыла безупречная маска сострадания.

— Прими мои соболезнования.

Будь они на Земле, современная реанимация, возможно, дала бы шанс. Но при нынешнем уровне хирургии этот человек был обречён.

«Отдай мне свою душу, и я верну твоего отца к жизни...» — Дженни склонилась к самому уху Исаака, её голос сочился сладким искушением.

В глазах обезумевшего от горя юноши вдруг вспыхнула призрачная надежда.

— Кто здесь? Кто говорит со мной?! — закричал он, оглядываясь. — Ты правда можешь его спасти?!

Лэнсу было неинтересно наблюдать за тем, как очередной последователь Бога Солнца катится в бездну. Он развернулся и ушёл в свою камеру.

Для тюрьмы это была самая заурядная повседневность. Здесь каждый день кто-то умирал — по той или иной причине. Впрочем, созданное богами царство отчаяния было отличным подспорьем для демонов в выполнении их «плана продаж».

Лэнс сел за стол и вывел последнюю строку текущей главы «Борца с Солнцем»:

«Мир — это полная грязи темница, а Бог — её суровый надзиратель».

<http://bllate.org/book/15857/1436806>